

А. В. ЛИСИЦЫНА

МАЛЫЕ И СРЕДНИЕ ГОРОДА НИЖЕГОРОДСКОГО ПОВОЛЖЬЯ: В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОЙ ГАРМОНИИ. ЧАСТЬ 2

SMALL AND MEDIUM TOWNS OF NIZHEGORODSKOE POVOLZHIE REGION:
IN SEARCH OF THE LOST HARMONY. PART 2

Во второй части статьи¹ освещаются процессы преобразования историко-архитектурной среды малых и средних городов Нижегородского Поволжья на протяжении советского и постсоветского периодов; анализируются факторы, которые привели к утрате визуальной гармоничности архитектурных пейзажей, сложившихся к началу XX в. Историко-архитектурная среда, трактуемая как феномен архитектурно-градостроительной культуры региона, рассматривается в контексте актуальных историко-теоретических проблем архитектуры и градостроительства: проблемы традиций и новаций; проблемы массового и уникального; проблемы стиля и образа; проблемы глобального и идентичного. Исследуются общие закономерности формирования и развития историко-архитектурной среды на протяжении жизненного цикла Нового и Новейшего времени.

Ключевые слова: историко-архитектурная среда, малые и средние города, Нижегородское Поволжье

В последние годы специалистами в области теории и истории архитектуры высказывается мысль о том, что на современном этапе развития зодчества эстетическая составляющая триады Витрувия – красота – уступает место комфортности. Преобразование городской среды в течение последних ста лет особенно наглядно подтверждает этот тезис. Современный город, вне всякого сомнения, сделался гораздо более комфортным для жизни человека. Но стал ли он при этом более красивым? Вероятно, в отношении крупнейших, крупных и даже больших городов России ответ на этот вопрос может быть утвердительным. Но если сфокусироваться на малых и средних городах, ситуация представляется далеко не столь однозначной. Любой наблюдатель отметит здесь множество эстетических диссонансов. И особенно остро они проявляются в городах, сохранивших историко-архитектурную среду – единство ландшафта, планировки и застройки, достигнутое в ходе поступательного, эволюционного раз-

The second part of the article highlights the processes of historical and architectural environment transformation in small and medium-sized towns of the Nizhegorodskoe Povolzhie region during the Soviet and post-Soviet periods. The author analyzes the factors that led to the loss of architectural landscapes visual harmony that had developed by the beginning of the 20th century. The historical and architectural environment is interpreted as a phenomenon of the region architectural and urban culture. It is considered in the context of topical historical and theoretical problems of architecture and urban planning: problem of traditions and innovations; problem of mass and unique; problem of style and image; problem of global and identical. The general regularities of the historical and architectural environment formation and development throughout the life cycle of the New and Newest times are investigated.

Keywords: historical and architectural environment, small and medium towns, Nizhegorodskoe Povolzhie region

вития. Присущее современному строительству хаотическое смешение стилевых аналогов, художественных принципов, масштабных и силуэтных характеристик зданий превращает исторические центры малых и средних городов в некие неудобоваримые конгломераты, где соседствуют неомодернистские стеклянные призмы, всевозможные интерпретации эклектики XIX в., свободные фантазии на темы древнерусских бревенчатых хором и европейских фахверковых домов. Эта архитектурная какофония входит в глубокое противоречие со средовым подходом, идеями контекстуализма. Ведь «каждый архитектурный объект и каждый его элемент должен быть хорош не столько сам по себе, сколько с точки зрения его включенности в окружающий контекст, который может быть сохранен, поддержан, обогащен, улучшен или испорчен» [1, с. 116].

В первой части данной статьи на примере малых и средних городов Нижегородского Поволжья детально анализировались свойства

¹ См. Градостроительство и архитектура. 2023. Т. 13, №4. С. 106–110. Ч. 1.

историко-архитектурной среды (ИАС), обусловившие ее визуальную гармоничность и высокие эстетические качества в начале XX в. Художественная выразительность архитектурных пейзажей таких городов – объективное свойство, которое запечатлели многочисленные фотографии и почтовые карточки того времени. Мастера необычайно популярного на рубеже XIX – XX вв. жанра архитектурной фотографии методично фиксировали облик российской провинции, не подозревая, что очень скоро этот облик коренным образом изменится [2, с. 235–236]. Цель, которую ставит перед собой автор во второй части статьи, – выявить причины утраты визуальной гармоничности ИАС малых и средних городов Нижегородского Поволжья в начале XX – начале XXI в. с точки зрения актуальных историко-теоретических проблем современной архитектурной науки.

Объект, предмет и границы исследования, его методика и научный контекст очерчены в первой части статьи. Гипотеза настоящего раздела исследования заключается в том, что причины поэтапной эстетической деградации ИАС на протяжении последних ста лет, с одной стороны, тесно связаны с идеологией и внутренней политикой государства, а с другой – имеют объективный характер и обусловлены очередной фазой текущего жизненного цикла ИАС.

Итак, к началу XX в., в результате длительного, эволюционного развития, в городах Нижегородского Поволжья сформировалась целостная и художественно выразительная ИАС. Завершилась протяженная во времени фаза формирования базовых составляющих городской среды – каркаса и ткани (согласно концепции А.Э. Гутнова и И.Г. Лежавы) [3, с. 90]. Важнейшее на тот момент качество архитектурной среды – целостность – определялась именно завершенностью, поскольку процесс ее создания происходил в русле общего градостроительного замысла, восходящего к рубежу XVIII – XIX вв. Замысел этот воплотился достаточно медленно, но последовательно; он не был предопределен во всех деталях, но не был и стихийным. А.В. Иконников характеризовал такое развитие как «перманентную планировку», которая может продолжаться десятилетия или века. При этом «первоначальная идея трансформируется и, как бы обрастая новыми «слоями», получает воплощение в богатстве формы, которого не достигнуть однажды созданным проектом» [4, с. 126].

Однако, по справедливому утверждению И.А. Бондаренко, «ни каркас, ни ткань города не способны долго пребывать в твердом порядке. «Все течет, все изменяется», а главное – переосмысливается и переоценивается. Бывают только

периоды относительной стабильности, за которыми следуют более или менее болезненные перемены» [5, с. 50]. Поэтому дальнейшие преобразования ИАС имели объективные градостроительные причины. Возможности предшествующей фазы формирования были, по сути, исчерпаны: сложились все линейные и узловыи элементы градостроительного каркаса; его ячейки целиком заполнила ткань застройки. Во многих городах насущной необходимостью стало дальнейшее развитие каркаса. Между тем, «рост каркаса или его значительная трансформация означают фактически создание новой системы» [3, с. 90]. В большинстве рассматриваемых городов именно так и произошло.

Преобразование ИАС было обусловлено, прежде всего, воздействием глобальных факторов, отвечавших очередному этапу развития человеческой цивилизации. Прошедшее столетие отмечено качественным изменением образа жизни человека, а также изменением исторических условий, определявших формирование и функционирование городской среды. В России рубежом, обозначившим начало этих перемен, стал 1917 год. Важнейшие социальные, экономические и политические сдвиги в жизни страны, которые привели к смене государственного строя, запустили процессы коренного преобразования ИАС российских городов. Основные этапы этого процесса коррелируются с принятыми в исторической науке периодами развития советского государства и постсоветской России:

- 1) довоенный период (1917–1941 гг.);
- 2) военный и послевоенный период (1941–1965 гг.);
- 3) период развитого социализма и перестройки (1965–1990 гг.);
- 4) постсоветский период (1990 г. – настоящее время).

Все периоды, за исключением третьего, предваряются глобальными политическими и социальными катаклизмами (революция и гражданская война, Великая Отечественная война, перестройка и распад СССР).

Явления, характеризующие перечисленные этапы преобразования ИАС малых и средних городов Нижегородского Поволжья, детально рассматривались нами в другой работе [6, с. 82–89], поэтому здесь ограничимся лишь кратким обзором:

- 1) довоенный период – отчуждение недвижимости и ее национализация (муниципализация), резкое изменение исторически сложившегося архитектурного силуэта и пространственно-видового каркаса городов в результате тотального разрушения церковных и монастырских ансамблей, выполнявших роль традиционных архитектурных доминант;

2) военный и послевоенный период – размещение в исторических центрах новых промышленных предприятий, преобразование природного ландшафта поволжских городов (Городец, Кинешма, Юрьево) в результате создания Горьковского водохранилища;

3) период развитого социализма и перестройки – нарушение целостности исторической застройки, изменение композиции и архитектурного облика улиц и площадей в ходе типового строительства, преобразование естественного природного ландшафта поволжских городов (Козьмодемьянск, Лысково, Юрино) в результате создания Чебоксарского водохранилища;

4) постсоветский период – уплотнение застройки исторических центров в результате активного коммерческого строительства, замена фрагментов исторически сложившейся застройки современными зданиями, упадок приречных территорий.

Первая из причин, в силу которых ИАС малых и средних городов Нижегородского Поволжья (да и всей России) утратила гармоничность, – это, несомненно, нарушение эволюционного, преемственного развития. Экспроприация собственности в первые годы советской власти и последующий вскоре запрет на предпринимательство подсекли частную инициативу, на которой базировался экономический подъем начала XX в. Исчезновение самостоятельного заказчика привело к стагнации в строительстве. Возведение богатых особняков и усадеб прекратилось, а частные жилые дома стали меньше и скромнее по облику. Национализированные и муниципализированные постройки утратили прежние функции; их начали активно перестраивать в соответствии с новым назначением. Экономическая основа советского периода – государственная промышленность, принципиально отличавшаяся от прежней, капиталистической, превратила крестьянина-кустара в заводского рабочего. Укрупнившиеся промышленные предприятия (как новые, так и созданные на базе существовавших) буквально «расперли», «разорвали» целостную ткань ИАС. Господство атеистической идеологии повлекло за собой повсеместное разорение церквей и монастырей. Навязывание новых идеологических смыслов, новой эстетики, установка на формирование нового образа социалистического города привели к появлению принципиально иных по масштабу и облику общественных зданий, диссонирующих по отношению к сложившейся среде. Распространение типового индустриального жилищного строительства обусловило деградацию и уничтожение целых массивов малоэтажной деревянной застройки.

Перечисленные тенденции были повсеместными, однако в малых и средних городах они имели более негативные последствия, в сравнении с большими и крупными. В условиях скудного государственного финансирования, проводившегося «по остаточному принципу», происходило не столько формирование «нового», сколько разрушение «старого». Воинствующее отрицание достижений капиталистического периода повлекло за собой уничтожение его «детища», исторически сложившейся застройки. В крупных и крупнейших городах это отчасти компенсировалось появлением ярких архитектурных произведений авангарда, советского неоклассицизма, советского модернизма, правдиво отражавших эстетику своего времени. Но в малых и средних городах, где такая эстетика присутствовала лишь в виде отголосков, отдельных внешних проявлений, констатировалось тотальное отсутствие качественной современной архитектуры, адекватной по своим художественным достоинствам архитектуре исторической. На этом фоне уничтожение лучших памятников прошлого (церковных и монастырских комплексов, дворянских и купеческих усадеб), разрушение исторически сложившейся парцеллярной структуры застройки, ее композиционного и стиливого единства стало подлинной катастрофой.

После распада Советского Союза и очередного затишья в строительстве общекультурный контекст, казалось бы, изменился к лучшему. Усилилась самоидентификация многих малых и средних городов в качестве исторических, т. е. обладающих ценным культурным наследием. В середине 1990-х гг. началось постепенное восстановление разрушенных в советское время храмов. Появились и первые контекстуальные архитектурные объекты, отмеченные осознанным стремлением поддержать индивидуальность, особый «дух места» [6, с. 85–86].

Рассматривая процесс преобразования ИАС малых и средних городов в аспекте долевого соотношения профессионального творчества, народного зодчества и «третьего пласта» (по Г.В. Есаулову) [7, с. 36], отметим постепенное истончение пласта народного зодчества, который ко второй половине XX в. прекратил наращиваться и обновляться. Народное зодчество как феномен, явление, основанное на живой традиции, перестало воспроизводить себя; его вытеснили технологии индустриального строительства. Параллельно с этим в городской среде произошло усиление компонента самодельной архитектуры, которая (по аналогии с самодельным искусством) свободна от художественных канонов и традиций, передаваемых из поколения в поколение и определяющих

внутренний порядок и образный строй народного искусства. Открывая широкий простор для самостоятельности и личной инициативы, самодеятельная архитектура, создаваемая дилетантами, самоучками, характеризуется профессиональной беспомощностью, отсутствием четких эстетических ориентиров [8, с. 535–536]. В фазе формирования ИАС самодеятельная составляющая присутствовала в ней в незначительной степени, на уровне ремонтов, проводившихся традиционными средствами. Ситуация начала изменяться в середине XX в., особенно после Второй мировой войны, когда в городах почти не осталось старых мастеров-строителей. Их деятельность ограничивалась теперь лишь сферой частного жилища, ставшего простым и скромным. В то же время компонент самодеятельной архитектуры заметно усилился: увеличилось количество пристроек, перестроек и ремонтов, проводившихся своими силами, на окраинах получило развитие дачное строительство, а также перевозка в город деревянных домов из сельской местности. Авторское стилевое творчество, как и прежде, было представлено единичными постройками. Поэтому нижегородский постмодернизм, ставший заметным явлением в российской архитектуре, почти не оказал влияния на облик городов региона. Что касается индустриального домостроения советского периода, по методу создания оно относилось к профессиональной сфере, однако было лишено образной выразительности и стиливых признаков, поскольку приоритет отдавался производству массового унифицированного жилища. Вышесказанное коррелирует с выводом Г.В. Есаулова о том, что единство городской среды, рассматриваемое как системное явление, «обладает своими закономерностями и особенностями существования и развития, вплоть до преобладания на определенных этапах одного из компонентов (профессионального, народного, «третьего пласта» – А.Л.) и, наоборот, его полной утраты в изменяющихся социально-экономических и культурно-исторических условиях» [7, с. 36].

Визуальная гармоничность ИАС в начале XX в. во многом была обусловлена структурной упорядоченностью, иерархической организацией, разумным балансом главных и второстепенных компонентов. В связи с этим В.Б. Махавев справедливо отмечал важную роль панорам для русской градостроительной эстетики. «Городской центр в панораме слит с рядовой тканью и одновременно структурно выделен собором; в застройке заметны второстепенные доминанты – монастыри и приходские церкви; селитьба стелется по пологим склонам, а крутые склоны служат цоколем застройки; хозяй-

ственные объекты спускаются к реке. ... Белокаменное, с затейливым силуэтом, золочеными куполами и крестами вверху; деревянное, утопающее в грязи и ветхое внизу» [2, с. 232–233]. ИАС рассматриваемых малых и средних городов в самом деле демонстрировала единство ландшафта, планировки, системы архитектурных доминант и акцентов, массивов дисперсной малоэтажной застройки, постепенно уплотнявшейся от периферии к центру. Однако с наступлением советского периода вся эта логически выстроенная система подверглась радикальным преобразованиям.

Первым серьезным ударом стало разрушение архитектурных доминант – церквей и монастырей. Соборные ансамбли, занимавшие ключевые градостроительные позиции, как правило, подвергались полному сносу; на их месте оставались обширные пространства площадей или скверов, несопоставимые по масштабу с окружающей застройкой. Приходские церкви, лишённые глав и колоколен, приспособлялись для хозяйственных или производственных функций. В результате веками сложившаяся система ориентиров, выявлявших узловые точки планировочной структуры и пространственной композиции, была уничтожена. По сравнению с крупными городами, средние и малые пострадали при этом сильнее, поскольку в их панорамах церковные здания играли более важную роль [6, с. 82–84].

Второй фактор преобразования ИАС – вторжение в исторические центры городов протяженных четырех – пятиэтажных секционных жилых домов и новых общественных зданий с плоскими крышами. По масштабу, структуре и силуэту такие архитектурные объекты и организуемые ими пространства оказались принципиально несопоставимыми с традиционной мелкоячейистой исторической застройкой. Новое строительство велось индустриальными методами, с применением типовых проектов; оно осуществлялось либо на пустовавших территориях, либо на месте снесенной деревянной застройки. При этом какого-либо общего замысла развития, сопоставимого с «конфирмованными» городскими планами конца XVIII в., не существовало. Показательно, что разработка новых генеральных планов для малых и средних городов Нижегородского Поволжья началась лишь в 1960 – 1970-х гг., а проекты детальной планировки чаще всего не выполнялись вовсе. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что на протяжении последних ста лет основной принцип нового строительства в исторических центрах изучаемых городов был одинаковым: оно велось там, где имелись свободные территории, без внимания к общей градостроительной композиции и характеру сло-

жившейся застройки. В силу этого современные здания зачастую не составляли целостных групп. Земельные участки осваивались по отдельности. По экономическим соображениям снос существующих зданий стремились свести к минимуму, и на центральных исторических улицах нередко вырастали единичные типовые «пятиэтажки». В итоге целостность городской ткани таких городов, как Балахна, Богородск, Павлово, Муром, Алатырь была в значительной степени нарушена. В постсоветский период, несмотря на смену стилевых предпочтений, локальный, «штучный» подход к проектированию, не принимающий во внимание баланса целого и частей, главного и второстепенного, остается прежним. Это делает каждое новое здание «вещью в себе». Отдельно взятый объект может выглядеть вполне эстетично, но при этом он чужероден по отношению к городскому контексту и разрушает его. Следует отметить и такой фактор, как преобразование элементов градостроительного каркаса, наиболее стабильной составляющей городской среды. И если пробивка новых трасс улиц в малых и средних городах была достаточно редким явлением, то укрупнение кварталов застройки и нарушение исторической парцелляции домовладений происходило практически повсеместно.

Все перечисленные факторы в совокупности способствовали разрушению целостной иерархической структуры ИАС, сложившейся к началу XX в., разбалансировке элементов каркаса и ткани, нивелированию архитектурного силуэта, нарастанию аморфности и невыразительности фоновой застройки.

Следующая причина, обусловившая потерю гармоничности ИАС малых и средних городов, – конфликт эстетических систем классики и авангарда. «Исторические» и «современные» объекты как бы представляют разные цивилизационные срезы; они принципиально несопоставимы и предстают перед наблюдателем в объективном (абсолютном) контрасте, отличным от контраста художественного [9, с. 66].

Утверждение эстетики модернизма уничтожило единый общепринятый художественный вкус, основанный на классической традиции. В результате программного отрицания преемственности, свойственной советскому периоду, сформировалось несколько поколений архитекторов, для которых история зодчества превратилась в замкнутую в себе учебную дисциплину, оторванную от живого процесса проектирования, потерявшую значение энциклопедии актуальных форм, приемов и смыслов [10, с. 91]. Воспитываясь в убеждении, что «новое» всегда лучше «старого», большинство представителей профессии утратили то верное понимание пропорций, то высокое мастерство работы с архитектурной

деталью, которым в прошлом владели не только профессиональные зодчие, но и потомственные мастера-строители, создававшие «архитектуру без архитектора». Современный среднестатистический потребитель, который привык к невыразительной архитектурной среде, сформированной стандартными типовыми зданиями второй половины XX в., также не обладает чувством вкуса и меры, чувством прекрасного; ведь источники подобных визуальных ощущений должны сопутствовать человеку с детства. И когда в 1990-х гг. в стране вновь появился частный заказчик, а в архитектуре на волне постмодернизма в моду вошел историзм, оказалось, что прежние эстетические принципы формирования городской среды забыты. Характерная для тех лет архитектурная «всеядность», ставшая реакцией на унылое однообразное строительство позднего советского периода, порой принимала довольно нелепые формы – особенно в провинции. Низкий профессиональный уровень архитекторов, отсутствие квалифицированного государственного и муниципального контроля привело к появлению нового слоя диссонирующих объектов, разрушающих целостность ИАС. Претенциозные и безвкусные псевдоисторические стилизации активно вытесняют подлинную историческую застройку; проблема усугубляется тем, что потребитель уже не видит разницы между тем и другим. Как отмечает М.В. Нащокина, «в исторической среде под лозунгом «воссоздания» насаждается чудовищное поколение архитектурных мутантов» [11, с. 58].

Исторический центр малого (среднего) города – своего рода моноорганизм. Внедрение каждого чужеродного элемента здесь куда более разрушительно, чем в крупном городе, где подобных моноорганизмов множество, и соседство разных эстетических систем не столь критично. Небольшие по площади исторические центры малых городов с камерной по масштабу застройкой с точки зрения образного единства очень уязвимы. Фигурально выражаясь, хрупкое очарование ИАС может разрушить строительство единственного многоэтажного дома. Равно как и постепенное «вымывание» исторической застройки и ее замена сомасштабными, но эстетически неадекватными современными объектами.

Еще один важный фактор преобразований затрагивает архитектурные детали и отделочные материалы. Как известно, привнесенное авангардом очищение архитектурной формы, лишенной декора, поначалу воспринималось как нечто новое, острее, свежее, как желанное освобождение от тяжелых нагромождений поздней эклектики. Однако довольно скоро упрощение обернулось примитивизацией, усугубленной огромными, в сравнении с прошлы-

ми веками, объемами индустриального строительства. На фоне дефицита таких категорий красоты, как композиция, пропорции, ритм, тектоника, усилилась роль свойств отделочных материалов – яркости, цвета, блеска, фактуры, текстуры. По утверждению Р. Арнхейма, воздействие этих сильных зрительных раздражителей на психику несопоставимо сильнее, чем воздействие тектоники; при этом не требуется предварительное эстетическое воспитание потребителя [12, с. 315]. На основании подобных наблюдений российский ученый В.А. Попов пришел к выводу, что присущее современному строительству массовое применение сильных зрительных раздражителей (которое ранее сдерживалось природной скрытостью внутренней структуры веществ, труднодоступностью некоторых материалов и ярких красителей) спровоцировало психическую потребность в постоянном эмоциональном воздействии цвета, блеска, текстуры. Процесс замещения профессиональных средств архитектурной выразительности визуальными эффектами стал бессознательной реакцией на упрощение архитектурных объектов [13, с. 100].

Отметим, что перечисленные выше свойства современных отделочных материалов (яркие цвета, блестящие гладкие поверхности, богатые текстуры), несомненно, способствуют противопоставлению новых зданий историческим постройкам, даже если объемные параметры тех и других схожи. Например, простейшие по архитектуре объемы супермаркетов, имеющие яркое дизайнерское оформление, активно привлекают внимание, заставляя игнорировать другие объекты. При этом происходит своего рода подмена, психологическое упрощение, рассчитанное на массового потребителя. Если прежде внимание наблюдателя фокусировалось на архитектурной детали, эффектно выделявшейся на нейтральном фоне, то использование некоторых современных материалов, которые красивы сами по себе, предполагает иную эстетику, основанную на простоте и рациональности. Не этим ли объясняется непривлекательность, а порой и откровенная вульгарность новейшей псевдоисторической архитектуры? Попытка воплотить традиционные формы в новых материалах приводит к очевидным визуальным диссонансам. Так, архитектурные детали из современного утолщенного кирпича выглядят тяжеловесными и грубыми; тесаный и фигурный кирпич, широко применявшийся прежде, практически вышел из употребления. Идеально выровненные поверхности фасадов, излишне жесткие линии и углы, установленные в наружной плоскости стены пластиковые стеклопакеты окон уподо-

бляют здания плоским фанерным декорациям, а тиражированные детали, приклеенные к фасадам, еще больше усиливают этот эффект.

Кроме того, в малых и средних городах ассортимент отделочных материалов остается ограниченным, а слабые экономические возможности диктуют использование наиболее дешевых. Например, глухие металлические ограды и ворота, буквально уничтожающие целостный облик исторических улиц, гораздо экономичнее, чем деревянные.

И наконец, последняя причина потери визуальной гармоничности ИАС – размывание регионального архитектурно-градостроительного своеобразия, которое было результатом долгого поступательного развития, продуктом традиционной культуры. Региональная специфика складывалась в силу малой «подвижности» человека на планете и ограниченности культурных контактов. В XX в. под влиянием новых технологий, индустриальных методов, огромных объемов строительства массовое, типовое в архитектуре стало преобладать; уникальное же осталось прерогативой отдельных зданий – куда в большей степени, чем при кустарных, «хозяйственных» методах строительства прошлых веков [14].

Как уже отмечалось, в советский период облик малых и средних городов России сильно нивелировался. Черты общности начали преобладать над региональными и местными особенностями. Народное зодчество упростилось, а затем и полностью исчезло. В 1920-х гг. произошло уравнивание административного статуса всех городов Нижегородского Поволжья: и уездные города, и торгово-промышленные села, и заводские поселки стали равнозначными районными центрами. Практически повсеместно появились промышленные предприятия, в том числе крупные; в силу этого развитие ряда городов продолжилось уже на новых основаниях. Промышленное строительство повлекло за собой преобразование и развитие селитебных территорий (рабочие поселки 1920–1930-х гг., жилые кварталы 1950-х гг., микрорайоны 1960–1980-х гг.), которое сопровождалось разрушительным воздействием на ИАС. Вместе с тем, уже в 1970-х гг. были выделены города, обладавшие значимым архитектурным наследием, и города – центры традиционных художественных промыслов.

В середине – второй половине XX в. Нижний Новгород (в 1932–1990 гг. – Горький) позиционировался как важный пункт оборонной промышленности, машиностроения и металлообработки; в 1959–1990 гг. город был закрыт для иностранных граждан. Влияние центра региона на судьбы изучаемых

городов проявлялось двояко: с одной стороны, стимулировало их активный индустриальный и территориальный рост, с другой – не способствовало сохранению ИАС и культурного наследия в связи со слабым развитием внутреннего и отсутствием международного туризма.

В советский период типы городов, существовавшие в начале XX в. и рассмотренные в первой части статьи, трансформировались. Образовались новые типологические группы:

- промышленные центры с крупными предприятиями, сложившиеся на базе городов, накопивших значительный производственный потенциал к началу XX в. (Павлово, Выкса, Муром, Кинешма, Вязники) или получивших развитие в советский период (Арзамас, Балахна, Алатырь);

- центры сельской округи, совмещающие в себе административные, транспортные, обслуживающие и другие функции, необходимые для поддержания равномерной и плотной территориальной системы расселения (Богородск, Большое Мурашкино, Горбатов, Лысково, Ветлуга, Юрино, Юрьеvec, Ядрин, Козьмодемьянск);

- центры регионального туризма и/или художественных промыслов (Арзамас, Городец, Семенов, Гороховец, Муром, Касимов).

Следует отметить и изменение механизмов влияния – субрегиональных, межрегиональных и дистанционных. Если до начала XX в. субрегиональные и межрегиональные влияния преобладали, и это во многом формировало своеобразие ИАС (региональное и локальное), то за последнее столетие сильно возросло значение дистанционных влияний. Глобальное, универсальное стало проявляться гораздо мощнее, нежели локальное, идентичное. Образно говоря, заказчик ориентируется уже не на архитектуру ближайшего губернского города, а на каталог проектов из сети Интернет. Таким образом, если экономическое влияние крупного города на окружающие малые города на современном этапе развития сохраняется, то образно-стилевое влияние постепенно слабеет. Его воздействие осуществляется в основном через творческую деятельность архитекторов, представляющих региональные школы. Однако, несмотря на то что в 1990-е гг. Нижний Новгород являлся главным эпицентром средового подхода в российской архитектуре, в малых и средних городах региона этот метод проектирования, программно адаптированный по отношению к сложившемуся градостроительному контексту, развития не получил. В настоящее время архитектура рассматриваемых городов отличается крайней консервативностью, сохраняя ориентацию на частичный историзм – со все-

ми издержками, о которых говорилось выше. Также имеют место отдельные постройки неомодернистской направленности, активизировалось строительство коттеджей, архитектура которых не связана с местной спецификой.

Подчеркнем, что преобразование ИАС, которая является жизненной средой наших современников, остановить нельзя; однако в историко-культурном аспекте бессистемное и неконтролируемое обновление исторической застройки может иметь для малых и средних городов серьезные последствия, вплоть до полного обезличивания. Главные угрозы – отсутствие общей культуры уважения к историко-культурному наследию, низкий уровень архитектурных решений, самодовлеющий характер новых построек, противопоставленных окружению [6, с. 88–89]. «На переживаемом этапе гипертрофированного индивидуализма у проектировщика возрастает соблазн добиться оригинальности любой ценой, отвергая наличие окружения и задачи преемственности. Хаотическая картина наших городов свидетельствует о нарушении преемственности, об утере лейтмотива непрерывности» [15; 16, с. 31]. Действительно, за последнее столетие облик исторических городов, в том числе малых и средних, претерпел разительные изменения, грозящие стиранием культурной преемственности и наследственной памяти.

Выводы. Воздействие общих для всей страны факторов (идеологических, внутриполитических, экономических, культурных) повлекло за собой инволюционное преобразование историко-архитектурной среды малых и средних городов, характеризующееся следующими явлениями:

- на градостроительном уровне – нарушение исторически сложившейся композиции застройки и пространственно-видового каркаса архитектурных доминант и акцентов;

- на уровне открытых городских пространств – образование конгломератов композиционно не связанных разномасштабных и разностилевых построек;

- на уровне объектов архитектуры – массовое обветшание зданий и сооружений конца XVIII – начала XX в. (в том числе имеющих историко-культурную ценность) на фоне практически полного отсутствия эстетически выразительных произведений современной архитектуры и преимущественно диссонирующего характера новых построек.

Анализ развития и преобразования ИАС малых и средних городов Нижегородского Поволжья в контексте актуальных проблем теории и истории архитектуры позволил установить, что констатируемая к началу XXI в. потеря визуальной гармоничности ИАС обусловлена:

- в аспекте проблемы традиций и новаций – прерыванием преемственного развития, сопровождающимся истончением пласта народного зодчества;

- в аспекте проблемы массового и уникального – разрушением исторически сложившейся иерархической структуры, баланса главного и второстепенного;

- в аспекте проблемы стиля и образа – конфликтом эстетических систем классики и авангарда;

- в аспекте проблемы глобального и регионального – размыванием регионального архитектурного своеобразия.

Изучение закономерностей формирования и развития ИАС как системы позволило выявить в этом длительном процессе завершённый жизненный цикл Нового и Новейшего времени, включающий две фазы: эволюционного формирования и инволюционного преобразования. Первая фаза соответствует «долгому XIX веку», позднему этапу Нового времени (конец XVIII – начало XX в.); вторая фаза согласуется с Новейшим временем (начало XX – начало XXI в.), с историческим развитием СССР и Российской Федерации. Границей между фазами являются революционные события 1917 г., положившие начало глобальным преобразованиям всех сфер жизни страны, включая преобразование ИАС. Установлено, что в фазе формирования ИАС постепенно приобретает структурность, целостность, сбалансированность всех компонентов в пределах территории, определенной генеральным планом или фактически обжитой. В фазе преобразования, под влиянием дальнейшего развития города, его роста, появления новых районов прежняя городская территория становится историческим центром, а ИАС испытывает «перерождение», характеризуемое, с одной стороны, массовым разрушением ее элементов в связи с их моральным и физическим износом, с другой же – активным появлением новых элементов, диссонирующих по отношению к системе в целом. Нарастание количества диссонансов приводит к качественным необратимым изменениям, и в итоге – к завершению жизненного цикла ИАС. Лишь отдельные, наиболее устойчивые элементы переходят в следующий жизненный цикл, включаясь в состав новой системы. Таким образом, жизненный цикл ИАС характеризуется совокупностью последовательных процессов: формирование – рост – расцвет – стагнация – преобразование – обновление (замена). Изучение процессов развития малых и средних городов Нижегородского Поволжья в конце XVIII – начале XXI в. в полной мере подтверждает эти исторические закономерности.

Данная статья выполнена в рамках темы по Плану ФНИ РААСН и Минстроя России на 2024 год.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бондаренко И.А. О степенях организованности городской застройки // Теория в истории архитектуры и градостроительства: Публикации разных лет. Санкт-Петербург, 2017. С. 115–120.

2. Махаев В.Б. Уездный стиль: русская архитектура междуречья Волги и Оки. Саранск: ООО «Столичное рекламное агентство «Континент»; Издатель Костантин Шапкарин, 2014.

3. Гутнов А.Э., Лежава И.Г. Будущее города. М.: Стройиздат, 1977.

4. Иконников А.В. Искусство, среда, время (Эстетическая организация городской среды). М.: Советский художник, 1985.

5. Бондаренко И.А. Каркас и ткань города. Между твердым порядком и динамическим хаосом // Теория в истории архитектуры и градостроительства: Публикации разных лет. Санкт-Петербург, 2017. С. 48–58.

6. Лисицына А.В. Преобразование историко-архитектурной среды средних и малых исторических городов Нижегородской области в XX – начале XXI вв. // ACADEMIA. Архитектура и строительство. 2013. №2. С. 82–89.

7. Есаулов Г.В. «Третий пласт» в архитектуре юга России в XX веке // ACADEMIA. Архитектура и строительство. 2009. №3. С. 36–38.

8. Аполлон. Изобразительное и декоративное искусство. Архитектура: терминологический словарь / под общ. ред. А.М. Кантора. М.: Эллис Лак, 1997. Самодеятельное искусство. С. 535–536.

9. Щенков А.С. Реконструкция исторической мысли, 2013.

10. Филиппов М.А. «Московский стиль» // Архитектор и историческая городская среда / сост. С.С. Попадюк. М., 2000. С. 89–96.

11. Нащокина М.В. Исторические параллели, неутожительные выводы и вера в будущее // Архитектор и историческая городская среда / сост. С.С. Попадюк. М., 2000. С. 56–60.

12. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М.: Прогресс, 1974.

13. Попов В.А. Феномен народного творчества в городской архитектуре 1940-х – 1960-х годов // Альманах: Культура. Искусство. Реставрация. Ч. 3: Искусство. Санкт-Петербург, 2017. С. 94–101.

14. Лисицына А.В. Историко-архитектурная среда средних и малых городов Нижегородского Поволжья как феномен культурного наследия // Архитектон: известия вузов. 2014. № 1(45). С. 53–65.

15. Вавилонская Т.В., Карпенко А.В. Методические подходы к определению границ территорий малых исторических поселений // Градостроительство и архитектура. 2023. Т. 13, № 2. С. 118–124. DOI: 10.17673/Vestnik.2023.02.17.

16. Мюллер-Менкенс Г. Новая жизнь старых зданий: Непрерывность развития архитектуры. М.: Стройиздат, 1981.

REFERENCES

1. Bondarenko I.A. On the degree of organization of urban development. *Teoriya v istorii arkhitektury i gradostroitel'stva: Publikatsii raznykh let* [Theory in the history of architecture and urban planning: Publications of different years], 2017, pp. 115–120. (in Russian)

2. Makhaev V.B. *Uezdnyy stil': russkaya arkhitektura mezhdurech'ya Volgi i Oki* [County style: Russian architecture between the Volga and Oka rivers]. Saransk, LLC "Capital Advertising Agency" Continent "", Publisher Costantin Shapkarin, 2014.

3. Gutnov A.E., Lezhava I.G. *Budushchee goroda* [Future of the city]. Moscow, Stroyizdat, 1977.

4. Ikonnikov A.V. *Iskusstvo, sreda, vremya (Esteticheskaya organizatsiya gorodskoy sredy)* [Art, Wednesday, time (Aesthetic organization of the urban environment)]. Moscow, Soviet artist, 1985.

5. Bondarenko I.A. Frame and fabric of the city. Between firm order and dynamic chaos. *Teoriya v istorii arkhitektury i gradostroitel'stva: Publikatsii raznykh let* [Theory in the history of architecture and urban planning: Publications of different years], 2017, pp. 48–58. (in Russian)

6. Lisitsyna A.V. Transformation of the historical and architectural environment of medium and small historical cities of the Nizhny Novgorod region in the XX – early XXI centuries. *ACADEMIA. Arkhitektura i stroitel'stvo* [ACADEMIA. Architecture and construction], 2013, no. 2, pp. 82–89. (in Russian)

7. Esaulov G.V. "The third layer" in the architecture of the south of Russia in the twentieth century. *ACADEMIA. Arkhitektura i stroitel'stvo* [ACADEMIA. Architecture and construction], 2009, no. 3, pp. 36–38. (in Russian)

8. *Apollon. Izobrazitel'noe i dekorativnoe iskusstvo. Arkhitektura: terminologicheskii slovar' / pod obshch. red. A.M. Kantora* [Apollo. Visual and decorative arts. Architecture: terminological dictionary/under general ed. A.M. Kantor]. Moscow, Ellis Luck, Amateur art, 1997. pp. 535–536.

9. Shchenkov A.S. *Rekonstruktsiya istoricheskikh gorodov* [Reconstruction of historical cities]. Moscow, Monuments of historical thought, 2013.

10. Filippov M.A. "Moscow style". *Arkhitekto i istoricheskaya gorodskaya sreda* [Architect and historical urban environment], 2000, pp. 89–96. (in Russian)

11. Nashchokina M.V. Historical parallels, disappointing conclusions and faith in the future. *Arkhitekto i istoricheskaya gorodskaya sreda* [Architect and historical urban environment], 2000, pp. 56–60. (in Russian)

12. Arnheim R. *Iskusstvo i vizual'noe vospriyatie* [Art and Visual Perception]. Moscow, Progress, 1974.

13. Popov V.A. The phenomenon of folk art in urban architecture of the 1940 – 1960. *Al'manakh: Kul'tura. Iskusstvo. Restavratsiya. Ch. 3: Iskusstvo* [Almanac: Culture. Art. Restoration. Part 3: Art], 2017, pp. 94–101. (in Russian)

14. Lisitsyna A.V. The historical and architectural environment of medium and small cities of the Nizhny Novgorod Volga region as a phenomenon of cultural heritage. *Arkhitekton: izvestiya vuzov* [Architecton: university news], 2014, no. 1(45), pp. 53–65. (in Russian)

15. Vavilonskaya T.V., Karpenko A.V. Methodological Approaches to Determining the Borders of the Territories of Small Historical Settlements. *Gradostroitel'stvo i arkhitektura* [Urban Construction and Architecture], 2023, vol. 13, no. 2, pp. 118–124. (in Russian) DOI: 10.17673/Vestnik.2023.02.17

16. Müller-Menckens G. *Novaya zhizn' starykh zdaniy: Nepreryonost' razvoitiya arkhitektury* [New Life of Old Buildings: Continuity of Architectural Development]. Moscow, Stroyizdat, 1981.

Об авторе:

ЛИСИЦЫНА Александра Владиславовна

доктор архитектуры, доцент, профессор кафедры архитектурного проектирования
Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет
603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, 65
E-mail: av_lisitsyna@mail.ru

LISITSYNA Alexandra V.

Doctor of Architecture, Associate Professor, Professor of the Architecture Design Chair
Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering
603950, Russia, Nizhny Novgorod, Ilyinskaya str., 65
E-mail: av_lisitsyna@mail.ru

Для цитирования: Лисицына А.В. Малые и средние города Нижегородского Поволжья: в поисках утраченной гармонии. Часть 2 // Градостроительство и архитектура. 2024. Т. 14, № 2. С. 75–83. DOI: 10.17673/Vestnik.2024.02.11.

For citation: Lisitsyna A.V. Small and medium towns of Nizhegorodskoe Povolzhie region: in search of the lost harmony. Part 2. *Gradostroitel'stvo i arkhitektura* [Urban Construction and Architecture], 2024, vol. 14, no. 2, pp. 75–83. (in Russian) DOI: 10.17673/Vestnik.2024.02.11.